

Ли Юаньцзинь кивнул.

Но едва он кивнул, как слезы, что все это время копились в его глазах, покатались по щекам.

Хоть он и был скромного происхождения, а судьба его оказалась полна невзгод, мать с самого детства учила его уважать и ценить себя, знать, что такое стыд и честь.

Если бы не крайняя нужда, когда вопрос стоял о выживании, кто добровольно согласился бы так унижаться и пресмыкаться, становиться чьей-то заменой и торговать собственным телом?

Ирония же заключалась в том, что для его покалеченного тела и никчемной, подобной сорной траве жизни возможность связать судьбу с величайшим мастером в цзянху уже была лучшим исходом, на который он мог рассчитывать.

Люди из Секты Цинчэн прямо предупредили его: если он не сможет угодить Шэн Шэчуаню, если тот охладит к нему или вернет обратно, его тут же перепродадут в Шэньлоу, где он станет игрушкой в руках тамошних торговцев людьми.

Теперь Шэн Шэчуань оставался его единственной спасительной соломинкой, и он должен был цепляться за нее мертвой хваткой.

— Тогда почему ты плачешь?

— Возможность заменить молодую госпожу и Цюань Юань-цзюня, чтобы служить главе Шэну — это великое счастье, которое ваш слуга заслужил за три прошлые жизни. Мои слезы — от радости.

Ли Юаньцзинь послушно заговорил, вторя наставлениям, которые ему дали в Секте Цинчэн. Он осторожно утер слезы и выдавил из себя улыбку, стараясь угодить Шэн Шэчуаню.

Перед тем как привезти его сюда, люди из Секты Цинчэн накрасили его, научили правильно говорить и объяснили, как именно нужно угождать Шэн Шэчуаню.

Они твердили ему, что у Шэн Шэчуаня скверный нрав, и он может мгновенно разгневаться из-за любого пустяка. Поэтому нужно беспрекословно повиноваться: если Шэн Шэчуань велит улыбаться — он должен улыбаться, велит плакать — должен плакать, а если потребует согласия — он обязан согласиться без тени сомнения.

— Тогда ложись в постель.

Шэн Шэчуань похлопал его по плечу, жестом приглашая сесть вместе с ним на кровать.

Собрав последние силы, Ли Юаньцзинь подошел к Шэн Шэчуаню и привычным движением принялся расстегивать пуговицы на своей одежде.

За те полмесяца, что торговцы людьми держали его взаперти, его, готовя к продаже, во всех подробностях обучили искусству раздевания. Его учили завязывать языком узелок на вишневом черенке и даже тому, как, накрыв сырое яйцо стопкой рисовой бумаги, совершать движения бедрами так, чтобы размять бумагу, но не разбить яйцо под ней. Он учился этому недолго и владел техникой не лучшим образом, но для Шэн Шэчуаня, человека порядочного и блюдущего правила «благородного мужа», подобное сочетание неопытности и соблазнительного, робкого усердия оказалось более чем достаточным.

Всю ночь Ли Юаньцзиню казалось, будто он — потрепанная тряпица, которую безжалостно мнут и треплют во все стороны.

К счастью, партнер, по-видимому, понимал, что для Ли Юаньцзиня это впервые, и, проявляя грубую силу, в то же время сохранял некоторую сдержанность: хоть боль и была сильной, она не оставила в душе Ли Юаньцзиня глубокого страха или тяжелого следа.

Губы и зубы партнера искусно вели его за собой, а неиссякаемая энергия заставляла не видавшего прежде близости Ли Юаньцзиня то и дело сдавать позиции и дрожать всем телом. Несколько раз он хотел со слезами запросить пощады, но не осмелился — оставалось лишь заставлять себя усердно подыгрывать.

Когда вдоволь насытившийся Шэн Шэчуань покинул его тело, Ли Юаньцзинь от полного изнеможения провалился в забытие.

Он даже не знал, в который час Шэн Шэчуань ушел.

Проснувшись на следующий день, он обнаружил, что постель рядом пуста, а вокруг царят беспорядок и следы бурной ночи.

— Вы проснулись? Сегодня спозаранку глава и новая госпожа отправились в Зал Миншань навестить старейшин и старших, вернутся, пожалуй, только к полудню. Глава велел принести вам еды и помочь умыться.

Увидев, что Ли Юаньцзинь пришел в себя, к нему подошел молодой ученик лет пятнадцати-шестнадцати в аккуратных одеждах Секты Суньюэ, держа в руках искусно украшенную коробку с едой.

Внутри лежали паровой пампушка-моньтоу, блюдо с жемчужными абалонами и одно мясное блюдо, похожее на оленину.

Ли Юаньцзинь уже несколько дней не ел нормальной пищи, а потому набросился на еду. В мгновение ока он смел все предложенные угощения, словно буря, пронесшаяся по столу, оставив тарелки абсолютно чистыми.

Его рот был набит едой.

Долгожданное чувство сытости и тепла наконец согрело его изголодавшийся желудок.

И всё же, чем сильнее становились эти удовлетворение и тепло, тем сильнее жгло глаза.

Потому что он вдруг отчетливо осознал: эту еду он получил в обмен на собственную чистоту.

Стоило ему закончить эту трапезу, как остатки его гордости и самоуважения исчезли без следа. Будущее Ли Яньцина, помимо угодничества своей красотой, больше не оставляло ему в руках никаких козырей.

— Почему ты плачешь? Еда не вкусная?

Юноша заметил слезинку, упавшую с лица Ли Юаньцзиня, и не удержался от тихого вопроса.

— Нет...

— Тогда... ты скучаешь по дому? Не переживай, хотя у нашего главы скверный характер, к слугам в секте он относится очень хорошо.

— Я, я не это имел в виду, пожалуйста, дай мне одежду... я не хочу так...

Ли Юаньцзинь тихо умолял, чувствуя в то же время, насколько смешон он сам: в такой момент он всё ещё пытался прикрыть срам своего уже осквернённого тела.

Юноша был невелик родом и отличался простым нравом; он совершенно не понимал меланхолии и грусти Ли Юаньцзиня. Увидев, что тот утёр слёзы, он принёс чистые полотенца и одежду, а затем проводил Ли Юаньцзиня привести себя в порядок.

— Моя фамилия Ли, зовут Яньцин, можешь называть меня Сяо Янь. Раньше я отвечал за уборку на Вилле Литан, а сегодня утром глава выбрал меня для служения в боковом флигеле Виллы Литан. Я буду заботиться о твоей еде и быте, составлю тебе компанию, и если чего-то не поймёшь, можешь спрашивать прямо меня.

— Мм.

— Да, я ведь еще не спросил, как тебя зовут.

— Меня зовут А Юань.

— А Юань? Тогда можно называть тебя молодой господин Юань?

Глаза Ли Яньцина сияли, в его взгляде не было и следа мирской скорби — полная противоположность угрюмому и занимающемуся самобичеванием Ли Юаньцзиню.

Ли Юаньцзинь с некоторой завистью смотрел на его наивный и милый вид, находя его лучезарным, словно солнце.

— Не нужно, зови меня просто А Юань.

— Хорошо.

Они были ровесниками, и общаться им было довольно легко.

Хотя Ли Яньцин был прост, он отличался большим сообразительным умом.

Он, должно быть, прекрасно понимал, кем Ли Юаньцзинь приходится для Шэн Шэчуаня.

Все синяки и следы двусмысленной близости на теле Ли Юаньцзиня он тоже делал вид, будто

не замечает, что помогло Ли Юаньцзиню унять неловкость и избавилось от столь сильного стыда и страха.

Тем не менее, когда Ли Юаньцзинь поднялся и сделал шаг, взгляд Ли Яньцина невольно зацепился за то, как тот ходит.

Хотя у Ли Юаньцзиня была стройная фигура, тонкая талия и хрупкий, утонченный вид, ступал он заметно хромя на одну ногу, что выглядело довольно комично.

Ли Юаньцзинь очень остро почувствовал этот странный взгляд Ли Яньцина, но, к счастью, с самого детства привык к подобному. Вскоре он с абсолютно невозмутимым видом подошел к деревянной бане и принялся мыться сам.

— Твоя нога... что с ней? Это от рождения?

Ли Яньцин понимал, что спрашивать о таком не слишком вежливо.

И всё же, не в силах сдержать любопытство, он выпалил это, когда Ли Юаньцзинь вышел из купальни.

Ли Юаньцзинь на мгновение замолчал и слегка покачал головой.

— Это ты случайно упал и повредил её?

Если бы столь прекрасный человек изуродовал правую ногу из-за неловкого падения, это и впрямь была бы злая насмешка небес над красотой.

— Нет, меня... избил отец.

— А? — Ли Яньцин изумился. — Избил отец? Это твой родной отец? Как у него поднялась рука бить такого красивого тебя?

— Он мой отчим, не родной отец. Он любит выпить, а когда пьян, распускает руки, в этом нет ничего удивительного.

— А твоя мать? Разве она позволяла отчиму бить тебя?

— Мать у меня очень добрая...

При упоминании матери ресницы Ли Юаньцзиня, похожие на перья ворона, слегка опустились, а на дне глаз проступило едва заметное, призрачное мягкое выражение.

— Она всегда жалела меня. К сожалению, дома решения принимает не она.

— Тогда, не вынеся вида моих побоев от отчима, она нашла удобный момент, тайком дала мне немного денег и помогла сбежать из того дома. Перед уходом она наказывала мне жить дальше и говорила: как только я найду хороших людей, готовых приютить меня, пусть сразу пошлю как весточку, и сколь бы далеко ни пришлось идти, она придет, чтобы воссоединиться со мной.